

16. Плеханов Г.В. Анархизм и социализм в России. М. : Политическая литература, 1987. 116 с.
17. Жуйков Г.С. Петербургские рабочие и группа «Освобождения труда». М. : Юрайт, 1989. 201 с.
18. Плеханов Г.В. Программа социал-демократической группы «Освобождение труда» // Избр. философские произведения: в 5 т. М., 1956. Т.1. С.371-377.

УДК 1(091)

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ Л.П.КАРСАВИНА

А.А. Легчилин

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
liahchylin@bsu.by

Аннотация. Анализ феномена культуры, предложенный русским философом Л.П.Карсавиным в начале прошлого века не потерял своей актуальности. Адекватное понимание культуры в представлении мыслителя возможно в контексте понимания философии истории. Культура-это особый вид «некоторой системы качествований той или иной индивидуальности». Культура определяется из ее существа, из того, что можно назвать ее идеей, т.е. в языке, в этнических признаках, в географическом ландшафте, в своем материальном быте, в своем социально-экономическом и политическом строе, в своих эстетике, этике, мировоззрении, религиозности. Идея культуры неповторимо-своеобразна, специфична.

Ключевые слова: Л.П. Карсавин; культура; сущность культуры; идея культуры; специфика разнообразия культур

PHILOSOPHY OF CULTURE OF L.P. KARSAVIN

A. A. Liahchylin

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The analysis of the phenomenon of culture proposed by the Russian philosopher L.P. Karsavin expressed at the beginning of the last century has not lost its relevance. An adequate understanding of culture in the view of the thinker is possible primarily in the context of understanding the philosophy of history. Culture is a special kind of «some system of qualities of a particular individuality». Culture is determined from its essence, from the fact that it is possible to call its idea, i.e. in language, in ethnic features, in a geographical landscape, in its material way of life, in its socio-economic and political system, in its aesthetics, ethics, world view, religiosity. The idea of culture is unique, peculiar, specific.

Keywords: L.P. Karsavin; culture; the essence of culture; the idea of culture; specific cultural diversity

Феномен культуры Л.П. Карсавин осмысливает в контексте понимания философии истории. Исторический же процесс, по его мнению, в целом подтвержен

«закону развития», «единству человечества». Л.П. Карсавин констатирует: «Если действительно существуют «законы развития», общие всем историческим индивидуальностям, в частности - всем культурам, существует и всеединый исторический субъект, т.е. человечество»... Человечество же рассматривается в его духовно-душевной деятельности... Именно «социально-психическое развитие всеединого человечества», а не «материальная» сторона человеческой жизни составляют основу истории и культуры» [1,с.97-98]. В этом контексте Л.П.Карсавин анализирует культуру, как «некоторую систему качественностей той или иной индивидуальности» «Всякая культура – индивидуализация человечества, ...надорганическая индивидуальность... Во всякой культуре есть свое «личное», только ей и свойственное, определяющее ее в ряду других культур. Это «личное» раскрывается в конкретном всеединстве индивидуализации *качественностей* данной культуры и только чрез них символически познается» [1,с.161]. Постоянно употребляемое понятие «*качественностей*» в разных падежах применительно к феномену культуры для Карсавина является принципиальным. Посредством данного понятия проясняются, на первый взгляд, не всегда понятные с точки зрения здравого смысла соотношения в культуре. Еще один важный атрибут понимания культуры, на который постоянно обращает Л.П. Карсавин – это субъект культуры. Под субъектом культуры понимается наиндивидуальная родовая сущность, вмещающая в себе определенный тот или иной исторический опыт народа. «Понятие культуры,- замечает он,- необходимо предполагает некоторый субъект ее... Так, субъектом античной культуры является человечество, жившее в бассейне Средиземноморья и преимущественно индивидуализировавшееся в греческом и римском народах; субъектом европейской культуры – человечество, географически преимущественно сосредоточившееся в Западной Европе и индивидуализировавшееся в европейских народах» [1,с. 161]. В целом можно представить философию культуры Л.П. Карсавина как систему, с отмеченными выше ее базовыми понятиями: *качественности и субъект культуры*. Попытаемся зафиксировать наиболее значимые тезисы этой системы идеями самого Л.П. Карсавина по его книге «Философия истории», в которой эта система, на наш взгляд, представлена.

1. Вот один из них: «Культуры друг для друга абсолютно недоступны» [1,с.161], утверждает Л.П. Карсавин. На первый взгляд, действительно выглядит парадоксально, в духе О. Шпенглера. Но тезис становится понятным, если следовать его философским изысканиям по поводу понятий «качество» и «субъект»: «Одно качественности не может стать другим ... Субъект данной культуры, например – европейской, никак не может быть субъектом культуры другой, например – античной. Он, становясь собою, может *качественности* только по-своему и не может *качественности* чужими *качественностями*» [1, с.161]. Это в философии, в культуре же взаимоотношений, где решающая роль действительно принадлежит субъекту, «этот тезис нуждается в более точной формулировке», отмечает Л.П. Карсавин, полемизируя со Шпенглером. «При всей взаимной недоступности культур в любой культурной эпохе возможно постижение иных, но не потому, что она культура, а потому, что она не только данная культура. Мне, как русскому или европейцу, недоступна и непонятна культура индийская. Но я не только русский

или европеец. - Я могу «перевосплотиться» в индуса и тем постигать его качество» [там же].

2. Следующий тезис феномена культуры, на который обращает внимание Л.П. Карсавин, также выглядит, на первый взгляд, не вполне убедительным: «Катастрофической смены культур не наблюдается. Напротив, полное исчезновение какой-нибудь культуры - явление чрезвычайно редкое, а, может быть, и небывалое. Каждая, после видимой своей гибели, переживает себя в том, что связано с ее вещественными остатками, в традициях ее, продолжающих свое существование в лоне других культур, в памяти - знании их о ней. Для исторического процесса характерно сосуществование ряда культур, иногда в полном расцвете, не только их смена. Заслуживает внимания даже некоторая одновременность в разных культурах одного и того же (по разному, конечно, индивидуализуемого) *качествования* человечества – Заратуштра, Будда, Конфуций и Лао-цзы, а в античном мире – Пифагор, Анаксагор, Гераклит почти современники» [1, с.162]. Все это вполне объяснимо и вытекает из так называемого, отмеченного выше, «закона развития» и «единства человечества», которому, как полагает Л.П.Карсавин, подвержен исторический процесс и развитие культур. «Во всевременном единстве развития,- эксплицирует мысль Л.П.Карсавин,- содержатся все культуры со всею полнотой достигнутой ими эмпирически актуализованности и усовершенности. В нем всякая культура и зарождается, и раскрывается, и погибает, уступая место другим культурам, другим *качествованиям-индивидуальностям* высшего субъекта. Во всеединстве развития прошлое, настоящее и будущее культуры по степени актуализованности своей не различны. Но оно вовсе не складочное место, куда сбрасывается прошлое и где уже есть настоящее, и не какое-то частично удвояющее эмпирию бытие. Эмпирическое становление - момент всеединого развития, недосягнутого для него только в его эмпирической умаленности..Исходя из идеи всеединства и учитывая незавершенность и несовершенство эмпирии, мы должны ожидать в эмпирическом развитии культуры (как, разумеется, и всякой иной индивидуальности) во 1-х) возникновения ее из ничто, т. е. неуловимого и эмпирически необъяснимого возникновения в лоне других культур, во 2-х) ее становления в стяженное многоединство ее моментов, *качествований* и индивидуальностей (народов), в 3-х) вытеснения ею других *качествований* в противостоящих ей индивидуальностях, т. е. растворения ею в себе иных культур, и в 4-х) ее гибели, т. е. ее растворения в других культурах» [1,с.163].

3. Следующий тезис, который требует прояснения и, вместе с тем, вытекающий из лона его системы: «Всякая культура зарождается в лоне другой или других, уже существующих, вырастает из потенциального своего единства с ними в высшей личности... Культура проявляется как новый, неведомый феномен, как новая личность наряду с другими личностями. Мы никогда не можем с точностью указать, когда культура появляется, когда уже родилась новая личность. Когда возникли наиболее эмпирически нам известные европейская и русская культура или культура американская?» [Там же] задается вопросом Л.П.Карсавин. Опять же, следуя закону непрерывности и неуничтожимости «духовно-душевной деятельности», вполне логичен данный вывод в отношении феномена возникновения новой культуры.

4. Не менее дискуссионен, на первый взгляд, следующий тезис Л.П.Карсавина по поводу экспансии культуры: «В развитии своем всякая культура, раскрываясь и индивидуализуясь, неудержимо стремится к расширению. Она по-своему преобразует, «делает собою» окружающую среду, она «осваивает» породившие ее культуры и те, которые ее окружают, убивает иные культурные личности и заменяет их собою. Так, европейская культура, зарождающаяся и в германском народе, делает его и своею индивидуализацией, но убивает в нем другую личность, ранее в нем индивидуализовавшуюся. Неверно, будто экспансивность свойственна только поздним стадиям культурного развития (цивилизации): в разные периоды культуры расширение ее носит только разный характер, по-разному обнаруживается. С самых начал своих Рим растет в завоеваниях, поглощая и осваивая италийцев, греков, этрусков. Европейская культура раскрывается в освоении ею кельтского, романского, германского населения Европы, не будучи ни кельтскою, ни романскою, ни германскою. И полным непониманием самого существа проблем проникнуты попытки историков, до сих пор не прекращающиеся, «вывести» европейскую культуру из германского или романского начала. Они обладают видимостью убедительности лишь потому, что именем «германского» или «романского», сами того не замечая, называют «исконно-европейское». Но не лучше и примирительные гипотезы, выводящие европейскую культуру из «взаимодействия» романизма и германизма. Какой, подумаешь, химический анализ! – Да ведь и в химическом анализе из свойств элементов и их взаимодействия а priori не вывести свойств сложного тела [1, с.164]. И здесь вывод вполне адекватен, если следовать атрибутивным составляющим его системы мировоззрения. Культура, как и любой «*субъект*» (Л.П.Карсавин), на определенном этапе своего развития, достигнув совершенства всегда будет стремиться к расширению своих границ в силу самой природы феномена субъективности, у которой нет границ. В свое время еще И.Кант раскрыл существенные законы внутренней организации субъективности. У Л.П.Карсавина нечто подобное раскрывается посредством феномена качества субъективности; если она не уничтожима, то она не только стремится к расширению, но и к поглощению другой качественной субъективности: «Всякое мгновение исторического бытия являет собою своеобразное скрещение культур: всегда каждая из них в одном отношении утверждает себя, осваивая иные, в другом - гибнет, ими осваиваемая. Когда русский человек, – приводит он в качестве примера, – отрекается от православия и переходит в католичество, а затем неизбежно утрачивает и прочие русские *качества* – в нем умирает русская культура и рождается европейская» [там же]. За счет этого происходит обогащение исторического процесса, в котором все время наблюдается вытеснение новым старым. Возникают некоторые абсолютно-значимые ценности; но в нем исчезают другие, столь же абсолютно-значимые. На современном этапе развития культур - типичный пример роли и места китайской культуры в этом контексте.

5. Следующий тезис является своеобразным продолжением предыдущего, хотя на первый взгляд, в нем заключено отрицание предыдущих: «И хотя историческое развитие совершается в одном направлении - от прошлого к будущему. Каждая последующая по времени культура может преобразовать в себе предше-

ствующим, но как будто не наоборот: предшествующей последующие недоступны». Это не совсем так, констатирует Л.П.Карсавин и апеллирует к истории: «Поскольку в настоящем «переживает» себя, скажем, античная культура, настоящее является самою античностью. И если наша культура, «антикизируя», выражает в себе античное, то и античная в этом самом акте нашей культуры себя «модернизирует» и делает собою современность. Странное дело! Никому и в голову не приходит, будто Венера Милосская в Лувре не есть та самая Венера, которая была и в древности. Но всякий почему-то предполагает, будто повторенное мною слово в слово и понятое мною доказательство Эвклида есть какое-то новое, какая-то копия настоящего. А принципиально нет различия между теоремой Эвклида и любым духовным моментом античности. И то, что в моем сознании он «обрастает» многим «европейским» или не познается целиком, ничем не отличается от того, что Венера Милосская поставлена в мало пригодное для античной богини помещение, а время похитило у нее руки. Античность реально, хотя и ущербленно, живет в настоящем, раскрывает в нем новые свои качества, прежде неизвестные. Таким образом, всякая культура взаимодействует (и всегда несовершенно, но несовершенно она и раскрывается) не только с «предшествующими» и «одновременными», а и с «последующими», живет не только в прошлом и «преимущественно своем» настоящем, а и в будущем» [1,с.165]. Культура, по утверждению Л.П. Карсавина, способна «предвосхищать» будущее, т.е. налицо феномен эвристичности, когда в прошлых культурах мы находим явления и людей нашей современности. «Так как всякая культура раскрывается преимущественно в определенный период времени, эти антиципации обычно кажутся современникам ничем не обоснованными «откровениями» или «фантазиями». Так для античности в пору ее расцвета кажутся курьезами учения о центральности солнца, иррациональном числе, бесконечности и т. д. И то же самое в пределах развития самой культуры. Понятны ли современникам учение о бесконечности Николая Кузанского, а – вопрошает Л.П.Карсавин, – истинно-христианский (а вовсе не пантеистический) характер системы Эриугены и многое другое? Недаром величайшие гении находят себе признание лишь после смерти, иногда в других культурах» [там же]. Справедливости ради следует заметить, что он, прежде всего, апеллирует преимущественно к области религиозного, философского и научного творчества.

6. Следующая сентенция также вытекает из общей системы философии культуры Л.П. Карсавина в контексте все того же феномена качества: «Всякая культура имеет свои «излюбленные», «типичные» моменты-качества и индивидуальности. Так можно согласиться с тем, что для западно-европейской культуры характерны архитектура и музыка, для античной – пластика. Это даже может явиться некоторым вспомогательным средством при определении и периодизации культуры» [1,с.167]. Это также объясняется все той же субъективностью, т.е. принципиальным отличием своей идентичности, или же «принципом индивидуации», сформулированным еще Фомой Аквинским в эпоху средневековья.

7. Важным аспектом понимания культуры Л.П. Карсавин усматривает в ее субстанциональности. Культура определяется из ее сущности, из того, что можно назвать ее идеей, т.е. в языке, в этнических признаках, в географическом ланд-

шафте, в своем материальном быте, в своем социально-экономическом и политическом строе, в своей эстетике, этике, мировоззрении, религиозности. Идея культуры неповторимо-своеобразна, специфична. Она по-своему преобразует во всех своих выражениях материальную среду, выбирая себе соответствующую. «Культура познается и определяется не извне, а изнутри - из ее идеи, в этом ничем не отличаясь от любой исторической индивидуальности. Историк, полагает он, должен искать идею культуры в наиболее непрерывном, в наиболее психическом и духовном. Идея культуры должна необходимо пониматься в связи с другими культурами. Идея культуры должна определяться через отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе. А это значит, что наиболее плодотворно для понимания культуры изучение ее религиозных (в широком смысле слова) качественностей» [1, с.167].

Таким образом, Л.П.Карсавин предложил своеобразную систему философии культуры посредством двух стержневых тезисов, на которые мы обратили внимание в самом начале. Прежде всего, культура подчинена некому «закону развития единства человечества», но посредством «качественностей ее субъектов». Исходя из данной презумпции в процессе развития культуры возможны даже самые различные антиципации, как заметил Л.П.Карсавин.

Библиографические ссылки

1. Карсавин Л.П. Философия истории. Спб,1993. 351с.

УДК 1(091)+141.7

ОБРАЗ ПРОСВЕЩЕНИЯ: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

И.И. Лещинская, В. Якубовска

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
liracom@ yandex.ru

Университет Константина Философа
пл. Андре Глинка 1, 94974, Нитра, Словакия
vjakubovska@ukf.sk

Аннотация. В статье представлена мировоззренческая парадигма эпохи Просвещения и ее базовые ценности. Рассмотрены фундаментальные принципы «революции сознания» XVIII века и их значимость для концептуального обоснования проекта Модерн. В статье показаны неоднозначный характер оценок Просвещения в современном философском дискурсе и дискуссии относительно его идеалов и реальных достижений. Представлены различные стратегии критики и пересмотра идейной и социальной программ Просвещения XVIII века в контексте современных проектов таких как «Темное Просвещение» и «Новое Просвещение».

Ключевые слова: *разум; свобода; прогресс; демократия; проект Модерн; «Темное Просвещение»; «Новое Просвещение».*